

В стародавние времена жил в одном селе молодой пастух по имени Никита. Все девушки села втайне мечтали выйти замуж за красивого синеглазого юношу. Но Никита со

всеми сельскими красавицами был одинаково приветлив. Такое поведение молодого помощника вызывало удивление и недоумение у старшего пастуха деда Анисима.

— Неужели тебе из наших сельских красавиц ни одна не нравится? — задал он однажды вопрос Никите.— Настенка Федорова чем тебе не пара?

— Она хорошая девушка, но я не люблю ее,— ответил юноша и так тяжело вздохнул, что у деда Анисима озноб пробежал по коже.

— Может быть, ты ждешь, когда тебя полюбит ледяная принцесса? — поинтересовался он.

Никита с любопытством взглянул на старшего пастуха и покачал головой.

— Не слышал про такую принцессу,— ответил он.— Расскажите...

— Можно и рассказать, только радости от этого не прибавится,— сказал дед Анисим и поведал юноше легенду о ледяной принцессе, которую слышал еще от своего деда.

— Далеко от нашего села, если пешком идти, то полгода пути будет, в глухой тайге есть одна сопка, на вершине которой находится вход в подземелье. Вход туда прикрыт огромной каменной глыбой, сдвинуть которую пытались многие богатыри, но никто не сумел. Дело в том, что после третьей попытки каждый из них превращался в камень. Поэтому путь к вершине сопки усыпан большими камнями. По ним-то и можно определить верный путь к входу в подземелье. Но с каждым годом желающих освободить из ледяного плена принцессу становилось все меньше и меньше. И вот уже скоро век, как никто не осмеливается рисковать своей жизнью ради куска льда. По крайней мере, так еще в детстве мне дед рассказывал.

Анисим остановился, чтобы перевести дух.

— А кто эта принцесса? — спросил Никита.— И кто ее превратил в лед?

— Какой ты нетерпеливый,— заметил старый пастух и продолжил рассказ.

Однажды король Айсман, правитель страны Вечных Льдов, надумал жениться и приказал своим верным служанкам Пурге, Вьюге и Метели найти ему невесту, да такую, чтобы краше в мире не было.

Разлетелись подруги в разные стороны: Пурга на запад, Вьюга на восток, а Метель на юг,— и через несколько дней каждая из них возвратилась с добычей.

Когда красавицы очутились перед тронном короля Айсмана, то каждая повела себя по-разному. Белокурая Ядвига, едва взглянув на ледяное чудовище, упала в обморок. Брюнетка Лейла выхватила из-за пояса кинжал и вонзила себе в грудь. И только рыжеволосая Виринея с любопытством рассматривала короля, ожидая, что же будет дальше.

«Ты должна выйти за меня замуж»,— произнес тот так холодно, что красавицу зазнобило.

«Но я не хочу замуж»,— возразила Виринея.

«А твоего желанья никто и не спрашивает,— ответил ей король Айсман.— Ты же не принцесса!»

«Принцесса! Принцесса! Принцесса!» — повторило эхо, и король был вынужден согласиться, что девушка и впрямь похожа на принцессу.

«Отныне будем называть тебя принцессой Виринеей»,— произнес король Айсман тоном, не терпящим возражений, и подошел к девушке, чтобы рассмотреть ее поближе.

Служанки последовали его примеру и стали кружить вокруг Виринеи до тех пор, пока она не упала на ледяной пол без сознания.

«Так-то лучше»,— произнес король Айсман и приказал Вьюге привести к нему старую ведьму по имени Стужа Лютая.

«Чего изволите, ваше величество?» — услышал король скрипучий голос ведьмы, внезапно появившейся перед его тронном.

«Хочу, чтобы ты превратила принцессу Виринею в ледяную статую,— произнес король Айсман.— Мне нужна послушная жена, а не спорщица».

«Это не дело, а безделица,— ответила Стужа Лютая и подошла к лежащей на ледяном полу Виринее.— Поднимите ее и держите, чтобы не упала»,— приказала она Вьюге и Метели, и те послушно исполнили ее приказание.

Ведьма взяла Виринею за руки и стала дуть на нее. Дыхание Стужи Лютой на лету превращалось в ледяные сосульки, которые, впиваясь в тело девушки, покрывали ее тело тонким слоем льда. Спустя несколько минут принцесса превратилась в ледяную статую. Вьюга, Пурга и Метель, установив ее рядом с тронном короля, разлетелись по своим делам, оставив короля Айсмана наедине со Стужей Лютой.

«А если я передумаю и захочу освободить принцессу Виринею из ледяного плена, то что я должен сделать?» — поинтересовался король у старой ведьмы о способе оживления девушки.

«Ты не сможешь этого сделать даже с моей помощью»,— ответила та.

«Это почему же? — удивился король Айсман.— Кто может заколдовать, тому по силам и расколдовать».

«Разрушать всегда легче, чем создавать»,— заметила Стужа Лютая.

«А есть такой волшебник, которому по силам оживить Виринею?» — спросил король Айсман, уже пожалев, что поступил так опрометчиво.

«Этого волшебника зовут Любовь»,— ответила старая ведьма и удалилась восвояси.

Король Айсман решил хоть как-то искупить свою вину, поэтому он приказал своим служанкам отнести ледяную принцессу в пещеру, что расположена внутри таежной сопки, и вход прикрыть большим камнем, трижды прочитав над ним заклинание, которое рекомендовала Стужа Лютая.

«Это, чтобы никто не смог увидеть принцессу Виринею и причинить ей вред,— объяснил он Вьюге, Пурге и Метели, зачем они каждая по разу должны прочитать заклинание.— А когда вернетесь, то организуйте мне свадьбу с белокурой Ядвигой»,— произнес король Айсман, глядя в упор на своих ветреных служаков.

Заметив, что Вьюга и Пурга отнеслись к его сообщению неодобрительно, он решил пояснить свое решение.

«Должен же я на ком-нибудь жениться,— произнес он бесцветным голосом.— Хотя если честно сказать, то принцесса Виринея мне нравилась больше, но ничего не поделаешь. Каждый сам делает выбор».

Служанки завернули ледяную принцессу в шелковый ковер и, бережно придерживая ношу с трех сторон, полетели на юго-восток от страны Вечных Льдов, туда, где в глухой тайге находилась высокая сопка, внутри которой им приказано было спрятать принцессу Виринею от посторонних глаз. Они и сделали, как им было велено. А иначе и легенды бы не было.

Старый Анисим замолчал и посмотрел внимательно на своего помощника. Ему показалось, что Никита был занят своими мыслями и не слушал его. Но он ошибся.

— Так вот как зовут ту рыжеволосую девушку, которую я уже несколько раз видел во сне,— произнес юноша и глубоко вздохнул.

— Виринея — редкое и красивое имя,— заметил старший пастух.

«Придется мне искать себе другого помощника»,— подумал Анисим и благословил Никиту на поиски ледяной принцессы.

Едва забрезжил рассвет, Никита вышел из дома и отправился на поиски ледяной принцессы по маршруту, указанному старшим пастухом. Он хорошо запомнил слова Анисима о том, что самое трудное в пути — это в одиночку пройти через дремучий лес, чтобы выйти к широкой таежной реке.

Когда после месяца пути Никита наконец-то вышел на берег реки, то радоваться уже не было сил от усталости. Он упал в траву и заснул. Разбудили его чьи-то голоса. Он вскочил на ноги и посмотрел на реку. Большая баржа шла в нужном ему направлении.

«Если повезет и баржа попадетя попутная, то путь сократишь вдвое. На барже-то плыть веселее, чем идти вдоль берега, обходя буреломы и скалы»,— вспомнил он напутствие старого пастуха и стал громко кричать и размахивать руками, чтобы привлечь внимание людей, находящихся на барже. Его заметили, и весельная лодка с гребцом направилась в его сторону.

— Возьмете? — спросил он гребца, который причалил на несколько метров дальше, чем предполагал Никита.

— Быстро садись! — крикнул гребец, огромного роста детина с окладистой бородой рыжего цвета.— Стал бы я так надрывать, если бы капитан не приказал.

На этой барже Никита провел около месяца и сошел на берег вместе с бригадой плотогонов.

— Пятый по счету от начала улицы — дом Митрича,— сказал Федор, тот самый гребец, что доставил Никиту на баржу.— Попроси его показать дорогу к знахарке Агафье, которая от всех болезней излечивает.

Юноша тепло попрощался с людьми, которые за время долгого пути стали ему как родные, и отправился к дому Митрича.

Тот, выслушав просьбу Никиты, не стал торопиться исполнять ее.

— Сначала в баньке попарись, переночуешь у нас, а рано утром и отправимся к Агафье,— ответил он и отвел юношу в баньку.

А жена его Авдотья тем временем одежду Никиты выстирала и возле дома на веревку повесила. А парню рубаху и штаны Митрича в предбанник занесла и крикнула, чтобы после бани надевал чистую одежду, которую она на лавке оставила.

Выйдя из парной, Никита увидел на лавке в предбаннике клетчатую рубаху и тканые штаны серого цвета.

«Должно быть, это одежда Митрича»,— подумал он, натягивая штаны, которые оказались ему впору, чего не скажешь про рубаху. Плечи у парня оказались шире, чем у Митрича, поэтому Никита накиннул рубаху на спину, а рукава завязал на шее. В таком виде он и вошел в дом.

— Так и знала, что рубаха мала будет! — всплеснула руками Авдотья, увидев полуобнаженного гостя.

— На улице тепло,— ответил юноша, подходя к уже накрытому столу, куда его любезно пригласила хозяйка дома.

После сытного ужина Митрич с Авдотьей уложили Никиту отдыхать на лежанку, а сами отправились почивать на сеновал.

Чуть свет Митрич разбудил гостя, и, наскоро позавтракав, они отправились к старой знахарке Агафье, которая жила в лесу, в десяти верстах от дома Митрича.

Подойдя к маленькому домику Агафьи, путники увидели ее сидящей на крыльце.

— Заходите в дом,— пригласила она гостей.— Самовар готов, перекусите и отдохнете. В ногах правды нет!

Спустя некоторое время отдохнувший Митрич отправился в обратный путь.

— А теперь рассказывай, зачем пожаловал,— бесцветным голосом произнесла старая знахарка, усаживаясь на табурет возле приборного стола.

Никита заметил, как она достала из кармана передника маленький стеклянный шарик и положила его на середину стола.

— Если неправду скажешь, то шарик покраснеет,— предупредила она юношу.

Когда Никита подробно рассказал все, что слышал от старого пастуха Анисима, то знахарка долго сидела молча, глядя на стеклянный шарик. Затем она встала и направилась в чулан, откуда принесла небольшой глиняный сосуд, запечатанный восковой печатью, и тонкую холщовую сумку с длинной ручкой.

— Я дам тебе сосуд с живой водой,— сказала Агафья.— Брызнешь из него по несколько капель на лоб, грудь, ноги и руки Виринеи, она и очнется.

— А как же я попаду в подземелье? — поинтересовался юноша.— Там же камень...

— Чтобы освободить вход в подземелье, надо расколдовать камень,— ответила Агафья.— А это может только жарок-огонек.

— А где мне найти его? — спросил Никита.— В ноги ему поклонюсь, помощи попрошу.

— Ты и так будешь каждому цветочку кланяться, пока букет из двадцати пяти полураспустившихся жарков-огоньков не нарвешь,— заметила старая знахарка.

— Так это цветок? — удивился юноша.— А я подумал было, что колдун или богатырь такой.

— Цветы тоже бывают волшебными,— ответила Агафья.— Просто не каждому человеку они свое волшебство дарят.

Затем знахарка вывела Никиту за дверь и указала рукой направление, где надо искать цветочную поляну.

— Только не сбейся со счета,— предупредила она юношу.— Ты должен сорвать ровно двадцать пять цветков. Если ошибешься, то цветы потеряют волшебную силу.

— Я постараюсь,— пообещал Агафье Никита и быстрым шагом направился в лес.

Цветочная поляна находилась недалеко от дома старой знахарки, и юноша быстро нашел ее. Увидев оранжевое море из цветов, он остолбенел от восхищения. Такой красоты не доводилось ему видеть прежде. Легкий ветерок раскачивал стебли цветов, и со стороны казалось, что цветы танцуют загадочный танец в такт дуновению ветра.

«Похоже и впрямь, что они волшебные»,— подумал Никита, осторожно пробираясь между цветами, отыскивая среди них полураспустившиеся и осторожно срезая стебли заговоренными знахаркой ножницами.

Чтобы не сбиться со счета, юноша после каждого срезанного цветка завязывал узелок на веревочке, что дала ему Агафья, и постоянно пересчитывал узелки. Когда срезанных цветов оказалось нужное количество, он перевязал стебли цветов веревочкой, как советовала знахарка, и аккуратно уложил цветы в сумку, в которой уже лежал сосуд с живой водой.

— Я сделал все так, как вы велели,— сообщил он Агафье, переступив порог ее дома.

— Проходи в кухню,— пригласила знахарка юношу.— Чаем напою и расскажу, как снять проклятие с камня.

— Я думал, что там один камень заколдован,— произнес Никита, с удивлением глядя на Агафью.

— Когда ты приблизишься к вершине сопки, то увидишь широкую тропу, вдоль которой с каждой стороны будет по шесть камней средней величины. Ты должен будешь на каждый камень положить по одному цветку. Когда подойдешь к входу в подземелье, то бросишь оставшиеся тринадцать цветков на большой камень со словами: «Проклятие, снимись! Камень, в снег превратись!»

— И все? — удивился Никита.

— Все,— ответила Агафья.— А богатыри помогут расчистить вход в подземелье.

— Какие богатыри? — удивился юноша.

— Те, которых ты жарком-огоньком освободишь из каменного плена,— ответила старая знахарка и, взяв под руку Никиту, вывела его из дома.

На крыльце юноша увидел старые растоптанные лапти большого размера и стал их разглядывать.

— Нечего на них смотреть! — произнесла Агафья строгим голосом.— Обувай прямо на сапоги. Как до сопки долетишь, то дернешь за завязочки, лапти и останутся. Да поспешай, все хорошие дела надо успевать делать до захода солнца.

Едва только Никита справился с завязками, как неведомая сила подняла его в воздух и понесла над лесом к высокой сопке, видневшейся вдали. Долетев до тропы, ведущей к вершине сопки, юноша дернул за завязочки лаптей и плавно опустился на землю. Почувствовав под ногами твердую землю, он быстро снял лапти и привязал их к голеницам сапог. Затем Никита достал из холщовой сумки двенадцать цветков и стал подниматься вверх по склону, не забывая положить по цветку на лежащие вдоль тропы камни. Помня наказ старой Агафьи, он шел быстрым шагом без оглядки к вершине сопки.

Подойдя к огромному камню, закрывавшему вход в подземелье, Никита достал из холщовой сумки оставшиеся там тринадцать цветков и бросил их на камень, трижды прокричав заклинание.

Увидев, как огромный камень стал разламываться на две половины, юноша отскочил в сторону. И во время, так как один снежный ком, образовавшийся из первой половины камня, с треском и шумом покатился вниз по склону сопки, а второй снежный ком залепил вход в подземелье.

«Как же мне теперь освободить вход? — подумал Никита со вздохом.— Никакого ведь инструмента нет под рукой».

— Не переживай! Мы тебе поможем! — услышал юноша за спиной мужские голоса и оглянулся.

Увиденная картина его обрадовала: по тропе один за другим поднимались двенадцать богатырей.

Не прошло и нескольких минут, как вход в подземелье был расчищен.

Никита со слезами на глазах поблагодарил богатырей и каждому из них поклонился в пояс.

— Прощай, Никита! — ответили те хором.— Нам пора возвращаться в свое время.

И не успел юноша и глазом моргнуть, как богатыри один за одним исчезли, словно растворились в воздухе.

— Каждому свое! — воскликнул Никита и смело шагнул через расчищенный проход в подземелье.

Пройдя на ощупь несколько метров по узкому коридору, он очутился в небольшой пещере, мало освещенной тусклыми лучами света, пробивавшимися сквозь поры земли.

«Поэтому Агафья и предупреждала, что надо успеть до захода солнца»,— подумал юноша, подходя к длинному широкому камню, где на шелковом ковре лежала ледяная скульптура женщины.

Достав из холщовой сумки сосуд с живой водой, Никита окропил ею лоб, грудь, руки и ноги девушки, как ему и говорила старая знахарка. Стоя рядом со статуей, он во все глаза смотрел на нее, ожидая чуда. Но чуда не произошло, статуя не ожила.

«Она наверняка пить хочет»,— подумал юноша и вылил из сосуда оставшуюся живую воду на полуоткрытые губы ледяной принцессы.

— Я думала, что ты не догадаешься,— услышал он вдруг за спиной голос старой знахарки и резко повернулся на звук.

Но в сумеречном свете коридора трудно было разглядеть что-либо, и юноша подумал, что ему послышался голос Агафьи.

Когда Никита повернулся лицом к ледяной принцессе, то увидел живую рыжеволосую девушку, которая сидела на каменном ложе и с удивлением разглядывала все вокруг.

— Кто ты и где я? — спросила она, глядя в упор на незнакомого ей юношу.

— Пойдем на свет, Вириная,— вместо ответа произнес Никита и, взяв девушку вместе с ковром на руки, вышел из подземелья.

— Солнышко садится! — воскликнула Вириная и захлопала в ладошки, как ребенок.

— Спешить надо,— заметил Никита и, завернув девушку в шелковый ковер, перевязал полученный рулон в двух местах веревочкой с узелками.— Так мне будет удобнее тебя нести.

Юноша обул лапти на свои уже изрядно поношенные сапоги, потом присел и, положив рулон на согнутые колени, затянул завязочки на лаптях.

Но, вопреки его ожиданиям, лапти понесли его в другую сторону, и вскоре он увидел реку, по которой плыл на барже, а потом и дремучий лес, через который шел, чтобы попасть на берег реки.

«Эти лапти умеют уплотнять время»,— подумал Никита, увидев с высоты птичьего полета знакомое пастбище.

Ему стоило больших усилий, чтобы изловчиться дернуть руками за завязочки лаптей, не уронив при этом завернутую в ковер Виринаю.

Когда Никита опустился на зеленую траву недалеко от старого пастуха Анисима, тот от неожиданности трижды перекрестился.

Юноша снял лапти, и они в тот же миг исчезли с его глаз.

«Видно, Агафья позвала их обратно»,— подумал он, освобождая девушку из шелкового кокона.

— Познакомься, Анисим, это Вириная,— представил Никита девушку подошедшему к ним старшему пастуху.

— Та самая ледяная принцесса? — не поверил старик и взял Виринаю за руку.

Рука у девушки была теплая.

— Меня Никита расколдовал,— ответила с улыбкой девушка.— Без помощи жарков-огоньков это было бы невозможно.

— Это волшебные цветы,— сказал Анисим, пряча улыбку в седую бороду.— В них сила любви и добра заключена.

Спустя некоторое время Никита и Вириная сыграли свадьбу. В центре свадебного стола стоял оранжевый букет из двадцати пяти цветков.

Говорили, что какая-то старая женщина, пожелавшая остаться неизвестной, передала его в подарок молодоженам.

Но мы-то знаем, кем была эта женщина. Не правда ли?